

ВЛИЯНИЕ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Э. И. Дубравская

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

Для принятия управленческих решений по регулированию рынка труда на региональном уровне необходима объективная статистическая оценка взаимосвязи неформальной занятости с показателями социально-экономического развития. Статья описывает предпосылки формирования комплексной системы показателей на основе документов стратегического планирования и анализа трудов отечественных и зарубежных исследователей, посвященных вопросам неформальной занятости. Неформальная занятость является самостоятельной областью изучения, привлекающей исследователей из разных сфер и дисциплин: от экономики и антропологии до гендерных исследований, политологии, социологии и городского планирования. В связи с тем что размеры и состав неформальной занятости, причины ее возникновения и последствия, направления влияния и взаимосвязи с другими показателями значительно различаются, отправной точкой формирования структуры системы показателей стал анализ документов стратегического планирования и целей национального развития Российской Федерации до 2024 г. В ходе исследования показатели социально-экономического развития автором были сгруппированы по блокам, соответствующим направлениям национальных проектов, и дополнены блоком показателей, характеризующих макроэкономическую ситуацию. Выбранная категоризация, основанная на приоритетах национального развития, способствует формулированию выводов с учетом человеческого капитала, комфортной среды для жизни и экономического роста.

Ключевые слова: неформальная занятость, система статистических показателей, экономический рост, человеческий капитал, комфортная среда для жизни.

INFORMAL EMPLOYMENT IMPACT ON SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN FEDERATION ENTITIES

Elvira I. Dubravskaya

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

To make managerial decisions on labour market regulation on the regional level it is necessary to have an objective statistic estimation of interconnection between informal employment and indicators of social and economic development. The article describes preconditions of forming a complex system of indicators on the basis of documents of strategic planning and analysis of works by Russian and overseas researchers dealing with issues of informal employment. Informal employment is an independent field of research that attracts scientists from different spheres and disciplines: from economics and anthropology to gender research, politology, sociology and city planning. Due to the fact that sizes and composition of informal employment, causes of its arising and consequences, lines of impact and interconnection with other figures are different, the author took analysis of documents of strategic planning and goals of national development of the Russian Federation up to 2024 as a starting point for shaping the structure of the system of indicators. In the research indicators of social and economic development were grouped by blocks corresponding to lines in national projects and supplemented by the block of indicators characterizing the macro-economic situation. This categorization based on priorities of national development fosters conclusion drawing with due regard to human capital, comfortable environment for life and economic growth.

Keywords: informal employment, system of statistic indicators, economic growth, human capital, comfortable environment for life.

Введение

Для оценки взаимосвязи неформальной занятости с показателями социально-экономического развития рассмотрим возможность формирования комплексной системы показателей, состоящей из двух блоков: показателей неформальной занятости и показателей социально-экономического развития. При этом набор показателей должен иметь упорядоченную структуру, подходящую для решения конкретной статистической задачи.

Анализ ряда работ [6; 9; 10; 12] позволил выделить принципы построения системы показателей, среди них:

- 1) всесторонний охват изучаемого явления показателями системы;
- 2) взаимосвязь статистических индикаторов, входящих в систему;
- 3) упорядоченная и логическая структура;
- 4) доступность информации (размещение в открытых источниках, публикация данных в официальных изданиях, включение в Федеральный план статистических работ);
- 5) пересчет абсолютных показателей в относительные величины (возможно при выполнении условий сопоставимости и наличия связи между явлениями).

Использование комплексной системы показателей, состоящих из двух блоков, позволяет изучить все основные показатели, связанные с областью исследования – взаимосвязью показателей неформальной занятости и уровня социально-экономического развития (рис. 1).

Блок 1	↔	Блок 2
Показатели неформальной занятости	Взаимосвязь	Показатели социально-экономического развития

Рис. 1. Структура комплексной системы показателей

Выбор структуры блока статистических показателей в части социально-экономи-

ческого развития и отбор конкретных индикаторов основаны:

- 1) на анализе основных документов стратегического планирования федерального уровня;
- 2) анализе отечественных и зарубежных публикаций.

Анализ основных документов стратегического планирования федерального уровня

Достижение целей национального развития является основным приоритетом развития на период до 2030 г. (Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2030 года»). Система национальных проектов выделяет пять направлений перспективного развития:

- 1) сохранение населения, здоровье и благополучие людей;
- 2) возможности для самореализации и развития талантов;
- 3) комфортная и безопасная среда для жизни;
- 4) достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство;
- 5) цифровая трансформация.

До пересмотра срока исполнения национальных проектов (до 21 июля 2020 г.) выделялись три направления перспективного развития:

1. Человеческий капитал (включает проекты «Здравоохранение», «Образование», «Демография», «Культура»).
2. Комфортная среда для жизни (включает проекты «Безопасные и качественные автомобильные дороги», «Жилье и городская среда», «Экология»).
3. Экономический рост (включает проекты «Наука», «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», «Цифровая экономика», «Производительность труда и поддержка занятости», «Международная кооперация и экспорт», «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры»).

Реализация национальных проектов на уровне субъектов Российской Федерации дополнительно отслеживается в рамках оценки эффективности деятельности губернаторов в виде мониторинга 15 показателей (Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2019 г. № 193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»). Все показатели, за исключением социально-политического (уровень доверия к власти), охватывают вопросы, связанные с национальными проектами.

Дополнительно к действующим приоритетам осуществлен анализ целевых документов, действующих ранее. В соответствии с майскими указами и статистикой по их реализации в базу данных добавлено отношение средней заработной платы к среднемесячному доходу от трудовой деятельности по субъектам Российской Федерации по ряду категорий (врачи, педагогические работники, преподаватели образовательных организаций высшего профессионального образования, работники учреждений культуры, социальные работники).

Оценка, ранее применяемая Министерством экономического развития Российской Федерации для анализа развития регионов, состояла в ресурсно-отраслевом подходе к индикаторам. В национальных проектах сохраняется акцент на ресурсах роста (демографические показатели, показатели рынка труда и инвестиций), при этом отраслевая направленность менее выражена.

Анализ информации других министерств и ведомств, включая Росстат, Минэкономразвития России и Банк России, подтвердил гипотезу о том, что в настоящее время действует единая система планирования и оценки уровня социально-экономического развития регионов, принятая на национальном уровне.

Для формирования структуры и перечня показателей необходимо изучить работы исследователей, посвященные вопросам взаимосвязи показателей неформальной занятости и социально-экономического развития.

Анализ отечественных и зарубежных публикаций

В настоящее время неформальная занятость является самодостаточной областью изучения, привлекающей исследователей из разных сфер: от экономики и антропологии до гендерных исследований, политологии, социологии и городского планирования. В связи с этим определение размеров и состава неформальной занятости, причин ее возникновения и последствий, направлений влияния и взаимосвязей с другими показателями значительно различается. Независимо от подхода к изучению и определению неформальной занятости многочисленные исследования подтверждают ее влияние на экономическое и социальное развитие.

Интерес научного и экспертного сообщества к вопросам неформальной занятости привел к значительному переосмыслению концепции и повышению качества официальной оценки данного явления, что явно прослеживается в совместных сборниках Международной организации труда и организации «Женщины в неформальной занятости» (WIEGO), посвященных неформальной занятости. Уникальность публикаций состоит в том, что они позволяют не только проанализировать структурные особенности явления, но и провести межстрановую сопоставимость, достигнутую за счет приведения данных к единой методологии.

В первом сборнике «Women and Men in the Informal Economy: a Statistical Picture» [38], опубликованном в 2002 г., были представлены данные по неформальному сектору в 70 развивающихся и 30 развитых странах. Второй сборник, опубликованный в 2013 г. [39], уже после 17-й Международной конференции статистиков труда и

принятия на ней определения неформальной занятости, включает данные по неформальной занятости по 45 странам, а третий, вышедший в 2018 г. [40], – более чем по 100 странам.

Обзор научной литературы проводился с использованием баз данных по общественным наукам и экономике, включая проверку отчетов международных организаций, книг, рабочих документов или других документов, связанных с неформальной занятостью. Поиск включал в себя комбинации терминов «неформальная занятость», «неформальный сектор», а также «взаимосвязь», «зависимость» и показатели, утвержденные в качестве приоритетов развития в рамках национальных проектов.

Анализ исследований, представленных в отечественной и зарубежной литературе, начинается с группы показателей, характеризующих макроэкономическую ситуацию, и продолжается направлениями в соответствии с национальными целями и стратегическими задачами развития, рассмотренными ранее:

1. Экономический рост.
2. Человеческий капитал.
3. Комфортная среда для жизни.

Экономический рост

Согласно Йозефу Шумпетеру, экономический рост – это увеличение производства и потребления одних и тех же товаров и услуг со временем (количественные изменения), а экономическое развитие – качественные изменения, новации в производстве и услугах и других видах экономической деятельности, что автор называет понятием «осуществление новых комбинаций» (качественные изменения) [13. – С. 72].

Рассмотрим взаимосвязь неформальной занятости и показателей экономического роста и развития, структуры экономики по видам деятельности, трудовых ресурсов, инновационного развития и цифровизации общества.

Показатели экономического роста и развития

Рафаэль Ла Порта и Андрей Шлейфер отмечают, что экономический рост,

уменьшающий неформальный сектор, зависит от уровня образования и увеличения количества формальных фирм под руководством образованных предпринимателей [22]. Необразованные предприниматели как в неформальном, так и в формальном секторах обычно управляют небольшими и неэффективными фирмами; образованные предприниматели и менеджеры управляют более крупными и эффективными фирмами. Возникает негативный дуализм: неформальные экономики велики в бедных странах потому, что их предприниматели непродуктивны.

Факты свидетельствуют о том, что «бутылочным горлышком» экономического роста является не уровень образования работников (по многим наблюдаемым характеристикам работники неформальных и формальных фирм схожи), а количество образованных предпринимателей – людей, которые могут вести производительный бизнес. Такие предприниматели создают и расширяют современный бизнес, с которым просто не могут конкурировать неформальные фирмы, несмотря на все их преимущества в виде снижения налогового бремени и меньшего контроля со стороны государственных органов. Таким образом, неформальная экономика в процессе развития экономики уменьшается.

Макроэкономическая ситуация

Неформальная занятость оказывает как краткосрочное, так и долгосрочное влияние на развитие экономики страны и регионов. На страновом уровне прослеживается устойчивая закономерность: неформальность имеет более высокий уровень в странах с низким объемом ВВП в расчете на душу населения и более высокими издержками для компаний формального сектора в виде более жестких правил ведения бизнеса [24].

Н. В. Лойс и Дж. Ригolini рассматривают тенденции и циклы неформальной занятости [24]. В теоретической модели размер неформальной занятости оценивается через относительные издержки и выгоды неформальности, а также навыки работни-

ка. Согласно расчетам авторов, данные переменные важны при изучении долгосрочного влияния неформальной занятости на развитие экономики страны (неформальность больше в странах с более низким ВВП на душу населения и более высокими издержками для официальных фирм в виде более жестких правил ведения бизнеса). Краткосрочные результаты показывают, что неформальная занятость сопутствует экономическому развитию и может быть реакцией на экономические шоки [11].

Схожие результаты были получены при рассмотрении автором российской экономики на региональном уровне. Расчет парных коэффициентов корреляции по совокупности субъектов Российской Федерации показал слабую связь между ВРП на душу населения и численностью занятых в неформальном секторе экономики по причине неоднородности регионов и различного уровня социально-экономического развития. Вместе с тем выделение четырех групп регионов на основе индикатора уровня развития (валового регионального продукта на душу населения в рублях) и индикатора темпов роста (индекса физического объема валового регионального продукта) показало, что наиболее тесная связь между ВРП на душу населения и показателем занятости в неформальном секторе наблюдалась в регионах с низким уровнем социально-экономического развития, независимо от темпов роста. Наиболее слабая связь наблюдалась в группе с высоким уровнем социально-экономического развития и медленными темпами роста [5].

Показатели структуры экономики по видам деятельности

Существует тесная взаимосвязь сектора занятости и неформальной занятости. В работе регионального советника Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) по статистике Маргариты Ф. Герреро и Д. С. Малигалиг, посвященной неформальной занятости в Индии, отмечается не только взаимосвязь с бедностью, но и наиболее уязвимые сектора занятости: обрабатывающая

промышленность, строительство и торговля [25].

Согласно оценкам В. Е. Гимпельсона, полученным на основе данных обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ) за 1999–2011 гг., максимальная вероятность быть вовлеченными в неформальную занятость наблюдается у работников сельского хозяйства, далее следуют работники сферы обслуживания и торговли. Примерно 40% неформально занятых работают в сфере торговли и бытового обслуживания, 25% – в сельском хозяйстве, по 10% приходится на работников в сфере строительства и промышленности [2].

Как отмечалось выше, сельское хозяйство является сектором с самым высоким уровнем неформальной занятости (более 90%) [40]. При этом в докладе Всемирного банка, посвященном вопросам неформальной занятости в России, отмечается, что деиндустриализация не оказывает влияния на изменения в неформальной занятости [35]. Согласно исследованию МОТ, живущие в *сельской местности* почти в два раза чаще жителей городов имеют неформальную занятость.

Показатели трудовых ресурсов

В докладе Всемирного банка, посвященном вопросам неформальной занятости, отмечается обратная связь между *количеством созданных рабочих мест* и долей занятых в неформальном секторе. Нехватка вакансий в формальном секторе вынуждает искать работу в неформальном секторе [35]. По данным исследования РИА Рейтинг, только в 30 из 85 регионов количество созданных рабочих мест за 2016–2018 гг. больше нуля¹. Лидерами рейтинга являются экономически благополучные регионы с низким уровнем неформальной занятости.

В. Лейбфриц отмечает влияние нормативно-правовой базы, регулирующей статус *самозанятых* [23]. Мера, направленная на уменьшение незадекларированной работы, на примере Латвии показывает, что

¹ URL: <https://riarating.ru/infografika/20190416/630123400.html> (дата обращения: 30.04.2020).

работодатели в рамках оптимизации налогообложения вынуждают работников переходить в статус самозанятых. При этом не все регистрируются в налоговых органах, переходя в неформальный сектор.

По мнению А. В. Кашепова, взаимосвязь показателей, характеризующих рынок труда, является статистически значимой, несмотря на искажения, вызванные неверной интерпретацией вопросов респондентами (например, ситуаций, при которых отсутствие официального договора может стать основанием для того, чтобы занятые в неформальном секторе неверно отвечали на вопросы о статусе занятости и фактически вовлеченные в рынок труда люди были оценены как экономически неактивное население) [8].

Показатели инновационного развития и цифровизации общества

Несовершенная система регулирования бизнеса замедляет инновационное развитие и технологический прогресс в результате административных и регуляторных барьеров. Этот процесс вызывает удорожание товаров и услуг, оказываемых компаниями формального сектора, которые замещаются товарами и услугами, производимыми компаниями неформального сектора, что в свою очередь создает спрос на труд неформально занятых работников [3].

В работе Хуан Бу и Альваро Куэрво-Казурра показана связь между неформальной занятостью и инновационным развитием общества в странах с развивающейся экономикой через концепцию издержек [17]. Затраты влияют на внутренние отношения между сотрудниками, а также на внешние отношения с поставщиками и дистрибьюторами, ограничивая стимулы и способность фирм к инновациям даже после перехода в формальный сектор. Как результат, компании неформального сектора занимаются имитацией, а не инновационными разработками новых продуктов. По мнению авторов, участие иностранных инвесторов приводит к инновационному развитию.

Похожие результаты получены в исследовании фирм в Пакистане. На основе анализа двух опросов, проведенных в период с 2008 по 2017 г., была обнаружена обратная взаимосвязь между неформальностью и степенью инноваций, выживанием фирмы и ее эффективностью [37].

Рассмотренная выше зависимость показывает целесообразность включения в систему показателей группы индикаторов, характеризующих макроэкономическую ситуацию (валовой региональный продукт на душу населения, индекс физического объема валового регионального продукта и др.), а также других показателей экономического развития.

Человеческий капитал

В широком смысле под термином «человеческий капитал» понимается совокупность знаний, умений, навыков, используемых для удовлетворения многообразных потребностей человека и общества в целом [15; 34]. Следуя за логикой национальных приоритетов, в качестве человеческого капитала рассматриваются уровень образования, качество медицинской помощи, благосостояние населения¹ и демографические показатели. Рассмотрим связь группы данных показателей с неформальной занятостью.

Уровень образования

Уровень образования является ключевым фактором, влияющим на уровень неформальности. Согласно исследованию МОТ, повышение уровня образования уменьшает шансы иметь неформальную занятость. Люди, имеющие среднее и высшее образование, с меньшей вероятностью будут заняты в неформальной сфере по сравнению с работниками, которые не имеют образования или имеют законченное начальное образование [40]. В докладе

¹ Несмотря на то, что благосостояние населения не включено в группу приоритетов в рамках национальных проектов, оно является составляющей человеческого капитала согласно концепции Теодора Шульца [34] и Гэри Беккера [15], сформулировавших экономический подход к человеческому поведению.

Всемирного банка, посвященном вопросам неформальной занятости, отмечается, что аналогичная тенденция верна и для России. Наличие только базового образования в 2010 г. повышало вероятность работы в неформальном секторе на 15,7 процентного пункта, в 2016 г. – на 24,2 процентного пункта [35].

В том же докладе отмечается, что, по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), в 2016 г. при схожем половозрастном составе трудовых мигрантов и россиян наблюдались значительные отличия в уровне образования (уровень образования россиян был выше). При этом доля трудовых мигрантов, занятых в неформальном секторе, была выше работников-россиян (26,2 и 15,7% соответственно). Несмотря на это авторы отмечают, что полученные результаты не дают направления причинно-следственной связи между трудовой миграцией, выдвигая гипотезу о том, что основной причиной вовлечения трудовых мигрантов в неформальный сектор может быть нехватка официальных рабочих мест [35].

Качество медицинской помощи

Существует широкий спектр прямых и косвенных социальных и медицинских последствий работы в неформальных условиях труда. Установлено, что *здоровье* неформальных работников хуже, чем у официальных работников [26], в том числе в развитых странах [21]. Дополнительно стоит отметить, что отсутствие официальных трудовых договоров, нестабильность и отсутствие дополнительных льгот сильно влияют на психическое состояние работников [32].

Благосостояние населения

В 1998 г. исследовательский центр «Женщины в неформальной занятости» (WIEGO) выпустил два обзора о взаимосвязи неформальности, бедности и гендера. Один обзор подготовлен на основе доступной литературы [33], второй – доступной статистики [18]. Оба обзора показали схожую иерархию заработка и сегмента-

ции по статусу занятости и полу, что стало основой для многосегментной модели WIEGO. В 2004 г. модель была протестирована в шести развивающихся странах: Коста-Рике, Египте, Сальвадоре, Гане, Индии и Южно-Африканской Республике [30]. Дополнительный опрос не проводился, были использованы доступные данные по статусу занятости (измеряется на индивидуальном уровне) и бедности (измеряется на уровне домохозяйства), что позволило оценить процент работников в определенных статусах занятости из бедных домохозяйств.

Демографические показатели

При изучении поведения на рынке труда членов домохозяйств была обнаружена четкая положительная корреляция между неформальной работой и *наличием неформально работающего супруга* [30].

Данные исследования подтверждают взаимосвязь неформальной занятости с уровнем образования, качеством медицинской помощи, благосостоянием населения и демографическими показателями и являются основанием для включения соответствующих групп индикаторов в систему статистических показателей.

Комфортная среда для жизни

Термин «комфортная среда для жизни» не является устойчивой международной концепцией. В основном он встречается в российских нормативно-правовых актах и определяется как определенный уровень и качество жизни через создание соответствующей инфраструктуры и безопасной среды [1].

Наиболее близким по сути термином, принятым в международной среде, является «качество жизни», широко применяемый при составлении интегральных оценок для сравнения мегаполисов и крупных городов [29].

Рассмотрим взаимосвязь показателей развития транспортной системы и уровня преступности как составляющих комфортной городской среды с неформальной занятостью.

Уровень преступности

Дж. Гершуни, П. Ренуй, Дж. Томас и другие исследователи подчеркивают связь неформальной занятости с криминальной экономикой [19; 31; 36].

Существует статистически значимая корреляция между неформальной занятостью и уровнем взяточничества чиновников, а также менее слабая связь с качеством судебной системы и возможным давлением на бизнес со стороны криминальных групп [20].

Показатели транспортной системы

Ана Изабель Морено-Монрой и Эктор М. Посада в своей работе отмечают взаимосвязь между транспортной доступностью и неформальной занятостью. Согласно их исследованию, формальная занятость вынуждает жителей Нью-Йорка ежедневно ездить на работу в центральный деловой район. Разница в затратах на проезд является механизмом, посредством которого улучшение доступности приводит к снижению уровня неформальности [27].

В другой работе А. И. Морено-Монрой в соавторстве с Фредерико Рамосом рассматривается положительное влияние расширения системы общественного транспорта на снижение уровня неформальной занятости в столичном регионе Сан-Паулу в период с 2000 по 2010 г. через средние изменения в неформальной занятости в районах, получивших новую инфраструктуру общественного транспорта, со средними изменениями в районах, в которых запланированное развитие транспортной системы не произошло [28].

Рассмотренные исследования показывают целесообразность включения в систему показателей группы индикаторов, характеризующих транспортную инфраструктуру и уровень преступности.

**Критический анализ статей,
представленных в отечественной
и зарубежной литературе**

Исследования, посвященные неформальной занятости, по типу исследования можно разделить на качественные и количественные [4], по источнику – на отчеты

международных организаций и независимые исследования, по охвату – на международные, включая группы стран, и ориентированные на одну страну. На основе изученной литературы можно сделать вывод, что не существует единого устоявшегося определения неформальной занятости.

Дж. Мирейя, Дж. Тарафа, П. О'Кампо и другие исследователи, проводившие комплексный обзор литературы по неформальной занятости из 2 461 источника за последние 40 лет, пришли к выводу, что большая часть работ (48,8%) посвящена эволюции определения неформальной занятости, определение МОТ используется в 9,3% случаев, собственное определение – в 13,9% случаев, неформальная занятость как таковая не определена в 23,30% случаев [26].

Анализ литературы показывает, что некорректное использование терминологического аппарата (под понятием «неформальная занятость» подразумеваются иные вещи, например, в ряде работ исследователи не дают определения неформальной занятости как таковой, оперируя доступными данными) чаще встречается в работах, дающих количественные оценки. Примером подобного подхода является работа С. Бернабе, в которой использованы семь различных способов измерения неформальной занятости для оценки явления в семи странах СНГ [16].

Зависимость от наличия данных в количественных исследованиях приводит к тому, что подавляющее большинство исследований охватывают группы стран, исследования неформальной занятости на уровне регионов составляют лишь небольшую часть работ. Измерения неформального сектора или неформальной экономики без выделения неформальной занятости представляют собой основной объем статей.

Качественные исследования определяют взаимосвязи между показателями социально-экономического развития и неформальной занятостью. Определение понятия

тия неформальной занятости варьируется в зависимости от целей автора работы.

Статистически верное определение неформальной занятости, предложенное Международной организацией труда, используется в работах сотрудников международных организаций и в докладах, выходящих от имени данных организаций.

Исследование бразильского рынка труда, подготовленное Всемирным банком, показывает, что расхождения в оценке неформальной занятости в зависимости от выбранного определения могут достигать до 10 процентных пунктов общей численности занятых в экономике. Выбор подхода к определению неформальной занятости оказывает существенное влияние не только на количественные оценки, но и на социально-демографический профиль неформальной занятости [14]. По мнению Р. И. Капелюшникова, самыми высокими оказываются оценки, оперирующие критерием наличия (отсутствия) официального трудового договора, самыми низкими – оценки, оперирующие критерием размера предприятий [7].

Несмотря на описанные выше проблемы, обзор литературы подтверждает гипотезу о том, что неформальная занятость

связана с широким кругом вопросов социально-экономического развития.

Система статистических показателей для изучения взаимного влияния неформальной занятости и уровня социально-экономического развития стран и регионов

Проведенный анализ документов стратегического планирования и обзор литературы позволяют сформировать систему статистических показателей, подходящую для решения конкретной статистической задачи – изучения взаимного влияния неформальной занятости и уровня социально-экономического развития стран и регионов.

Ориентация на национальные проекты, принятые на период до 2024 г., позволит провести наиболее актуальную интерпретацию результатов исследования, а также обеспечить полноту и содержательную целостность информационного массива.

Структура системы статистических показателей для изучения взаимного влияния неформальной занятости и уровня социально-экономического развития стран и регионов приведена на рис. 2.

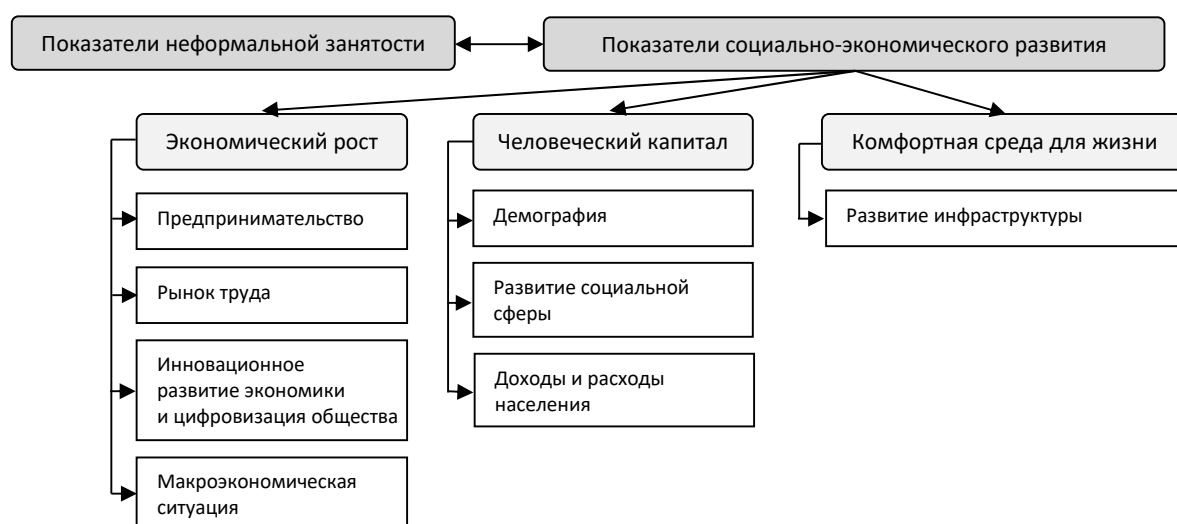

Рис. 2. Система статистических показателей для изучения взаимного влияния неформальной занятости и уровня социально-экономического развития стран и регионов

Признаки, описывающие социально-экономическое развитие регионов и неформальную занятость, связаны между со-

бой и образуют систему показателей для проведения исследования статистической взаимосвязи между показателями нефор-

мальной занятости и показателями социально-экономического развития.

Заключение

Одной из ключевых задач развития страны и регионов является устойчивое социально-экономическое развитие, которое находится во взаимосвязи с неформальной занятостью. Взаимосвязь данных явлений подтверждена исследованиями как зарубежных, так и отечественных авторов. В то же время существующие в литературе исследования количественной оценки взаимосвязи неформальной занятости и социально-экономического развития не всегда могут быть использованы для

целей государственного регулирования из-за ряда методологических недостатков (только в 9,3% работ используется статистически корректное определение неформальной занятости, соответствующее методологии МОТ) и отсутствия регионального уровня.

Предложенная система показателей позволяет получить количественную оценку влияния неформальной занятости на социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации, необходимую для принятия управленческих решений по регулированию рынка труда на региональном уровне.

Список литературы

1. Ганченко Д. Н., Тарзанова Ю. А. Комфортная городская среда: инновация или трансформация термина // Развитие теории и практики управления социальными и экономическими системами. – 2019. – № 8. – С. 81–85.
2. Гимпельсон В. Е., Зудина А. А. Бойцы невидимого фронта: кто они и сколько их? История на основе данных ОНПЗ // В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда / под общ. ред. В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников. – М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014.
3. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. Жить «в тени» или умереть «на свету»: неформальность на российском рынке труда // Вопросы экономики. – 2013. – № 11. – С. 65–88.
4. Дубравская Э. И. Логика и методология статистического исследования и его отличия от качественного анализа // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. – 2019. – № 2 (26). – С. 15–25.
5. Дубравская Э. И. Проблемы учета неформальной занятости в интегральной статистической оценке социально-экономического развития региона // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2019. – № 4-1. – С. 785–788.
6. Ильшева М. А., Поташикова С. А. Эволюция систем показателей в анализе управления // Экономический анализ: теория и практика. – 2010. – № 39. – С. 45–51.
7. Капелюшников Р. И. Неформальная занятость в России: что говорят альтернативные определения. – Препринт WP3/2012/04. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
8. Кашенов А. В. Рынок труда: проблемы и решения. – М. : Научный эксперт, 2008.
9. Лайкам К. Э. О развитии системы статистических показателей заработной платы // Вопросы статистики. – 2016. – № 10. – С. 3–11.
10. Поликарпова М. Г., Иванова Т. А. О системе статистических показателей интеграционной активности в российской экономике // Вопросы статистики. – 2014. – № 11. – С. 24–37.
11. Салин В. Н., Нарбут В. В. Неформальная занятость населения России: оценка масштаба и влияния на государственные финансы страны // Финансы: теория и практика. – 2017. – № 6 (21). – С. 60–69.

12. Шашлова Н. В., Клевакина М. П., Репин И. А., Думнов А. Д. Комплексная система статистических показателей охраны окружающей природной среды в Российской Федерации // Вопросы статистики. – 2018. – № 7 (25). – С. 3–12.
13. Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М. : Директмедиа Паблишинг, 2008.
14. Arabsheibani G. R., Carneiro F. G., Henley A. On Defining and Measuring the Informal Sector. – Washington, D.C. : The World Bank, 2006.
15. Becker G. S. Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. – New York : Columbia University Press, 1964.
16. Bernabè S. Measuring Informal Employment in Transition Countries. – Leuven : University of Leuven, 2008.
17. Bu J., Cuervo-Cazurra A. Informality Costs: Informal Entrepreneurship and Innovation in Emerging Economies // Strategic Entrepreneurship Journal. – 2020. – N 3 (14). – P. 329–368.
18. Charmes J. Women Working in the Informal Sector in Africa: New Methods and New Data. – New York : United Nations Statistics Division, 1998.
19. Gershuny J. Social Innovation and the Division of Labour. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 1983.
20. Johnson S., Kaufmann D., McMillan J., Woodruff C. Why do firms hide? Bribes and unofficial activity after communism // Journal of Public Economics. – 2000. – N 3 (76). – P. 495–520.
21. Kim I.-H., Muntaner C., Vahid Shahidi F. et al. Welfare States, Flexible Employment, and Health: a Critical Review // Health policy. – 2012. – N 2 (104). – P. 99–127.
22. La Porta R., Shleifer A. Informality and Development // Journal of Economic Perspectives. – 2014. – N 3 (28). – P. 109–126.
23. Leibfritz W. Undeclared Economic Activity in Central and Eastern Europe: How Taxes Contribute and How Countries Respond to the Problem // Policy Research Working Papers. – 2011. – N 5923.
24. Loayza N. V., Rigolini J. Informality Trends and Cycles // Policy Research Working Paper. – 2006. – N 4078.
25. Maligalig D. S., Guerrero M. F. How Can We Measure the Informal Sector? – URL: https://www.researchgate.net/publication/237423070_How_Can_We_Measure_The_Informal_Sector
26. Mireia J., Tarafa G., O'Campo P. et al. Informal Employment in High-Income Countries for a Health Inequalities Research: A Scoping Review // Work. – 2016. – N 2 (53). – P. 347–356.
27. Moreno-Monroy A. I., Posada H. M. The Effect of Commuting Costs and Transport Subsidies on Informality Rates // Journal of Development Economics. – 2018. – N 130. – P. 99–112.
28. Moreno-Monroy A. I., Ramos F. R. The Impact of Public Transport Expansions on Informality: The Case of the São Paulo Metropolitan Region. – URL: http://www.iza.org/conference_files/worldb2015/moreno-monroy_a8297.pdf
29. Nussbaum M., Sen A. The Quality of Life. – Oxford : Clarendon Press, 1993.
30. Packard T. G., Koettl J., Montenegro C. In from the Shadow: Integrating Europe's Informal Labor. – Washington, D.C. : The World Bank, 2012.
31. Renooy P. H. The Informal Economy: Meaning, Measurement and Social Significance. – Amsterdam : Regioplan, 1990.
32. Santana V. Informal Jobs: Another Occupational Hazard for Women's Mental Health? // International Journal of Epidemiology. – 1997. – N 6 (26). – P. 1236–1242.
33. Sethuraman S. V. Gender, Informality and Poverty: A Global Review. – Washington, D.C. : Banco Mundial, 1998.

34. Shultz T. Human Capital in the international encyclopedia of the social sciences. – New York, 1968.
35. Stemming Russia's Informality: Unearthing Causes and Developing Solutions. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/31883/Stemming-Russia-s-Informality-Unearthing-Causes-and-Developing-Solutions.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
36. Thomas J. J. Informal Economic Activity. – Ann Arbor, MI : University of Michigan Press, 1992.
37. Ullah S., Williams C. C., Arif B. W. The Impacts of Informality on Enterprise Innovation, Survival and Performance: Some Evidence from Pakistan // Journal of Developmental Entrepreneurship. – 2019. – N 03 (24). – P. 1950015.
38. Women and Men in the Informal Economy: a Statistical Picture. – Geneva : International Labour Organization, 2002.
39. Women and Men in the Informal Economy: a Statistical Picture. – 2nd ed. – Geneva : International Labour Office, 2013.
40. Women and Men in the Informal Economy: a Statistical Picture. – Geneva : International Labour Office, 2018.

References

1. Ganchenko D. N., Tarzanova Yu. A. Komfortnaya gorodskaya sreda: innovatsiya ili transformatsiya termina [Comfortable City Environment: Innovation or Transformation of the Term]. *Razvitie teorii i praktiki upravleniya sotsialnymi i ekonomicheskimi sistemami* [Developing Theory and Practice of Managing Social and Economic Systems], 2019, No. 8, pp. 81–85. (In Russ.).
2. Gimpelson V. E., Zudina A. A. Boytsy nevidimogo fronta: kto oni i skolko ikh? Istoriya na osnove dannyykh ONPZ [Soldiers of the Invisible Front: Who are they and what is their Number? Story on the Basis of ONPZ Data]. *V teni regulirovaniya: neformalnost na rossiyskom rynke truda* [In the Shadow of Regulation: Informality of Russian Labour Market], edited by V. E. Gimpelson, R. I. Kapelyushnikov. Moscow, Izdatelskiy dom NIU VSHE, 2014. (In Russ.).
3. Gimpelson V. E., Kapelyushnikov R. I. Zhit «v teni» ili umeret «na svetu»: neformalnost na rossiyskom rynke truda [To Live 'in the Shadow' or to Die 'in the Day Light': Informality on Russian Labour Market]. *Voprosy ekonomiki*, 2013, No. 11, pp. 65–88. (In Russ.).
4. Dubravskaya E. I. Logika i metodologiya statisticheskogo issledovaniya i ego otlichiya ot kachestvennogo analiza [Logics and Methodology of Statistic Research and How it Differs from High-Quality Analysis]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova. Vstuplenie. Put v nauku* [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics. Introduction. The Road to Science], 2019, No. 2 (26), pp. 15–25. (In Russ.).
5. Dubravskaya E. I. Problemy ucheta neformalnoy zanyatosti v integralnoy statisticheskoy otsenke sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya regiona [Registration of Informal Employment in Integral Statistic Estimation of Social and Economic Development of the Region]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: Trends and Prospects of Development], 2019, No. 4-1, pp. 785–788. (In Russ.).
6. Ilsheva M. A., Potashnikova S. A. Evolyutsiya sistem pokazateley v analize upravleniya [Evolving System of Indicators in Management Analysis]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic Analysis: Theory and Practice], 2010, No. 39, pp. 45–51. (In Russ.).
7. Kapelyushnikov R. I. Neformalnaya zanyatost v Rossii: chto govoryat alternativnye opredeleniya [Informal Employment in Russia: What Alternative Definitions Say]. Preprint WP3/2012/04. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. (In Russ.).

8. Kashepov A. V. Rynok truda: problemy i resheniya [Labour Market: Problems and Solutions]. Moscow, Scientific Expert, 2008. (In Russ.).
9. Laykam K. E. O razvitii sistemy statisticheskikh pokazateley zarabotnoy platy [Concerning the Development of Statistic Indicator System of Remuneration]. *Voprosy statistiki* [Issues of Statistics], 2016, No. 10, pp. 3–11. (In Russ.).
10. Polikarpova M. G., Ivanova T. A. O sisteme statisticheskikh pokazateley integratsionnoy aktivnosti v rossiyskoy ekonomike [Concerning the System of Statistic Indicators of Integration Activity in Russian Economy]. *Voprosy statistiki* [Issues of Statistics], 2014, No. 11, pp. 24–37. (In Russ.).
11. Salin V. N., Narbut V. V. Neformalnaya zanyatost naseleniya Rossii: otsenka masshtaba i vliyaniya na gosudarstvennyye finansy strany [Informal Employment of Russian Population: Evaluation of Scale and Impact on State Finance of the Country]. *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice], 2017, No. 6 (21), pp. 60–69. (In Russ.).
12. Shashlova N. V., Klevakina M. P., Repin I. A., Dumnov A. D. Kompleksnaya sistema statisticheskikh pokazateley okhrany okruzhayushchey prirodnoy sredy v Rossiyskoy Federatsii [The Complex System of Statistic Indicators of Environment Protection in the Russian Federation]. *Voprosy statistiki* [Issues of Statistics], 2018, No. 7 (25), pp. 3–12. (In Russ.).
13. Shumpeter J. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya [Theory of Economic Development]. Moscow, Directmedia Publishing, 2008. (In Russ.).
14. Arabsheibani G. R., Carneiro F. G., Henley A. On Defining and Measuring the Informal Sector. Washington, D.C., The World Bank, 2006.
15. Becker G. S. Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. New York, Columbia University Press, 1964.
16. Bernabè S. Measuring Informal Employment in Transition Countries. Leuven, University of Leuven, 2008.
17. Bu J., Cuervo-Cazurra A. Informality Costs: Informal Entrepreneurship and Innovation in Emerging Economies. *Strategic Entrepreneurship Journal*, 2020, No. 3 (14), pp. 329–368.
18. Charmes J. Women Working in the Informal Sector in Africa: New Methods and New Data. New York, United Nations Statistics Division, 1998.
19. Gershuny J. Social Innovation and the Division of Labour. Oxford; New York, Oxford University Press, 1983.
20. Johnson S., Kaufmann D., McMillan J., Woodruff C. Why do firms hide? Bribes and unofficial activity after communism. *Journal of Public Economics*, 2000, No. 3 (76), pp. 495–520.
21. Kim I.-H., Muntaner C., Vahid Shahidi F. et al. Welfare States, Flexible Employment, and Health: a Critical Review. *Health policy*, 2012, No. 2 (104), pp. 99–127.
22. La Porta R., Shleifer A. Informality and Development. *Journal of Economic Perspectives*, 2014, No. 3 (28), pp. 109–126.
23. Leibfritz W. Undeclared Economic Activity in Central and Eastern Europe: How Taxes Contribute and How Countries Respond to the Problem. *Policy Research Working Papers*, 2011, No. 5923.
24. Loayza N. V., Rigolini J. Informality Trends and Cycles. *Policy Research Working Paper*, 2006, No. 4078.
25. Maligalig D. S., Guerrero M. F. How Can We Measure the Informal Sector? Available at: https://www.researchgate.net/publication/237423070_How_Can_We_Measure_The_Informal_Sector
26. Mireia J., Tarafa G., O'Campo P. et al. Informal Employment in High-Income Countries for a Health Inequalities Research: A Scoping Review. *Work*, 2016, No. 2 (53), pp. 347–356.
27. Moreno-Monroy A. I., Posada H. M. The Effect of Commuting Costs and Transport Subsidies on Informality Rates. *Journal of Development Economics*, 2018, No. 130, pp. 99–112.

28. Moreno-Monroy A. I., Ramos F. R. The Impact of Public Transport Expansions on Informality: The Case of the São Paulo Metropolitan Region. Available at: http://www.iza.org/conference_files/worldb2015/moreno-monroy_a8297.pdf
29. Nussbaum M., Sen A. The Quality of Life. Oxford, Clarendon Press, 1993.
30. Packard T. G., Koettl J., Montenegro C. In from the Shadow: Integrating Europe's Informal Labor. Washington, D.C., The World Bank, 2012.
31. Renooy P. H. The Informal Economy: Meaning, Measurement and Social Significance. Amsterdam, Regioplan, 1990.
32. Santana V. Informal Jobs: Another Occupational Hazard for Women's Mental Health? *International Journal of Epidemiology*, 1997, No. 6 (26), pp. 1236–1242.
33. Sethuraman S. V. Gender, Informality and Poverty: A Global Review. Washington, D.C., Banco Mundial, 1998.
34. Shultz T. Human Capital in the international encyclopedia of the social sciences. New York, 1968.
35. Stemming Russia's Informality: Unearthing Causes and Developing Solutions. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/31883/Stemming-Russia-s-Informality-Unearthing-Causes-and-Developing-Solutions.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
36. Thomas J. J. Informal Economic Activity. Ann Arbor, MI, University of Michigan Press, 1992.
37. Ullah S., Williams C. C., Arif B. W. The Impacts of Informality on Enterprise Innovation, Survival and Performance: Some Evidence from Pakistan. *Journal of Developmental Entrepreneurship*, 2019, No. 03 (24), pp. 1950015.
38. Women and Men in the Informal Economy: a statistical picture. Geneva, International Labour Organization, 2002.
39. Women and Men in the Informal Economy: a statistical picture, 2nd ed. Geneva, International Labour Office, 2013.
40. Women and Men in the Informal Economy: a statistical picture. Geneva, International Labour Office, 2018.

Сведения об авторе

Эльвира Ивановна Дубравская
аспирантка кафедры статистики
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 117997, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: elvira.dubravskaya@yandex.ru

Information about the author

Elvira I. Dubravskaya
Post-Graduate Student of the Department
for Statistics of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997,
Russian Federation.
E-mail: elvira.dubravskaya@yandex.ru